

Канадский федерализм и конституционно-правовой статус квебекской парадипломатии

Акимов Юрий Германович

Санкт-Петербургский государственный университет
Профессор кафедры американских исследований
Доктор исторических наук, профессор
y.akimov@spbu.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются конституционно-правовые основы, на которых строится международная деятельность канадской франкоязычной провинции Квебек. Вскрываются специфика разделения сфер компетенции центра и провинций, а также показываются особенности конституционного регулирования сферы внешней политики в Канаде. Анализируются прецеденты, которые повлияли на федерально-провинциальные отношения в области имплементации международных договоров Канады. Особое внимание уделяется сформулированной на основе этих прецедентов доктрине внешней пролонгации внутренних компетенций провинций, сформулированной в 1965 г. Полем Жерен-Лажуа. Определяются основные тенденции развития федерально-провинциальных отношений по вопросам правового регулирования международной деятельности субъектов канадской федерации в последней трети XX — начале XXI вв. Делается вывод о важности федерально-провинциального сотрудничества в данной области.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Канада, Квебек, парадипломатия, федерализм, конституция, федерально-провинциальные отношения, доктрина Жерен-Лажуа

Akimov Yu. G.

Canadian Federalism and Constitutional-Legal Status of Quebec Paradiplomacy

Akimov Yury Germanovich

Saint-Petersburg State University (Russian Federation)
Professor of the Chair of American researches
Doctor of Science (History), Professor
y.akimov@spbu.ru

ABSTRACT

The article deals with legal and constitutional background of the paradiplomacy of Quebec, only French-speaking Canadian province. It reveals the specificity of division of competences between the center and the provinces, and shows features of the constitutional regulation of foreign policy in Canada. The article analyzes the cases that have affected federal-provincial relations in the field of implementation of international treaties negotiated by the Canadian federal government. Special attention is given to the Gérin-Lajoie doctrine of provincial internal competence extension formulated in 1965 on the basis of these cases. It also identifies the main trends of federal-provincial relations concerning the legal regulation of the international activity of Canadian provinces in the last third of XX — beginning of XXI c. It concludes the importance of federal-provincial co-operation in the respective sphere.

KEYWORDS

Canada, Quebec, Paradiplomacy, Federalism, Constitution, Intergovernmental Relations, Gérin-Lajoie Doctrine

Квебек — единственная франкоязычная провинция Канады — на протяжении последних пятидесяти лет является чрезвычайно заметным и активным игроком на

международной арене. Провинция обладает собственным Министерством международных отношений и разветвленной сетью зарубежных представительств; она поддерживает контакты как с субнациональными акторами, так и с суверенными государствами, а кроме того представлена в ряде международных организаций. Внешние связи Квебека нацелены, в том числе, на продвижение его собственной идентичности, отличной от общеканадской. Они также всегда были тесно связаны с перипетиями внутренней политики провинции, где в 1970–1990-е годы были достаточно сильны сепаратистские настроения (в 1980 и 1995 гг. там проводились референдумы о суверенитете). Неудивительно, что федеральное правительство Канады долгое время настороженно воспринимало международную деятельность «проблемной» провинции и стремилось ее ограничивать. В то же время оно никогда не пыталось полностью воспрепятствовать ей, поскольку она в целом укладывалась в конституционные рамки и соответствовала принципам канадского федерализма.

В настоящей статье мы рассмотрим конституционно-правовой статус квебекской парадипломатии, проанализируем доктринальные основы, на которых она строилась и строится вплоть до настоящего времени.

* * *

Исторически Канадское государство создавалось как договорная федерация с монархической формой правления. Федерализм стал фундаментальной характеристикой ее политической системы и всей общественно-политической жизни [8, с. 101]. В составляющем основу канадской конституции Акте о Британской Северной Америке (далее АБСА) 1867 г. (сейчас он официально называется Конституционным Актом 1867 г.) вопросам федерализма посвящено почти 40% общего количества статей и около 45% его объема [3, с. 52]. Следует подчеркнуть, что в АБСА были достаточно четко разграничены сферы компетенции центра и субъектов федерации (провинций). Этому посвящены ст. 90–93. К конкурирующей юрисдикции было отнесено очень ограниченное число вопросов, связанных с земледелием и иммиграцией (ст. 95). Также важно отметить, что к исключительной компетенции провинций в АБСА отнесены, в том числе, вопросы, касающиеся образования, природных ресурсов («невозобновляемые естественные ресурсы, лесные ресурсы и электрическая энергия»), а также «вообще все вопросы, по своему характеру имеющие местное или частное значение в провинции» [4, с. 521–532].

Еще одна важная особенность АБСА состоит в том, что в нем не содержится упоминаний о внешней политике. Это связано с тем, что в момент его выработки и принятия Канада не обладала внешнеполитическим суверенитетом, являясь частью Британской империи. Исключением является ст. 132, которая гласит, что «Парламент и Правительство Канады будут пользоваться всеми полномочиями, необходимыми или должными для выполнения тех обязательств Канады или ее провинций как частей Британской империи в отношении иностранных государств, которые вытекают из договоров между империей и этими иностранными государствами» [4, с. 542–543].

В начале 1920-х годов Канада фактически обрела полную независимость от Лондона в вопросах внешней политики, в 1931 г. это было юридически закреплено Вестминстерским статутом; однако каких-либо изменений в ее конституцию в этой связи внесено не было.

В то же время изначально именно федеральное правительство осуществляло контроль над формирующейся внешней политикой страны. В 1909 г. был создан Департамент внешних дел, который взял в свои руки сначала внешнеэкономические,

а затем и внешнеполитические контакты Канады. Провинции, в том числе Квебек, не оспаривали этого. Вплоть до начала 1960-х субъекты канадской федерации практически не развивали собственные внешние связи. В качестве исключения можно назвать назначение в 1882 г. Эктора Фабра квебекским представителем во Франции (однако он очень скоро стал также выполнять функции канадского представителя) и попытки создания провинциальных торговых представительств в некоторых странах Европы и в США в первые десятилетия XX в.

В то же время в конце XIX — первой трети XX вв. шло развитие конституционного права Канады, касающегося регулирования федерально-провинциальных отношений. Имело место несколько судебных решений, которые касались различных аспектов разграничения полномочий между центром и провинциями, и которые в дальнейшем стали важными юридическими прецедентами. В частности, дела «Ликвидаторы „Мэритайм бэнк оф Канада“ против главного судебного исполнителя Нью-Брансуика» (1892) и «„Бонанза крик гоулд майнинг Ко“ против Короля» (1916) подтвердили полную самостоятельность провинций в вопросах, отнесенных конституцией к их юрисдикции, а также то, что за распределением законодательных полномочий следует распределение исполнительной власти [5, с. 40].

Подробнее следует остановиться на нескольких делах, касающихся исполнения международных договоров, заключенных федеральным правительством.

В первой половине 1920-х годов канадские власти столкнулись с необходимостью обеспечения выполнения обязательств, которые вытекали из статей Версальского договора 1919 г., касающихся вопросов, подпадающих под провинциальную юрисдикцию. Речь шла о статьях 387–427 (Часть XIII «Труд»), предусматривавших создание Международной организации труда (МОТ). Еще в 1920 г. федеральный министр юстиции Ч. Дуэрти (кстати, участвовавший в Парижской мирной конференции) предложил передать проект конвенции МОТ провинциям, чтобы те приняли законы, необходимые для ее исполнения, а до тех пор, пока они этого не сделают — не ратифицировать ее [16, с. 111]. Дело дошло до Верховного суда Канады, который в 1925 г. вынес решение, гласившее, что федеральное правительство должно передать вопрос о принятии конвенций МОТ на рассмотрение соответствующим законодательным властям провинций. Как отметил В. Е. Шило, «это решение суда явилось первым прецедентом, который, хотя и косвенно, но ограничивал действия федерального правительства и одновременно повышал роль провинций при заключении страной международных договоров и соглашений» [5, с. 42].

В 1932 г. Верховный суд Канады, а затем Судебный комитет Тайного совета Великобритании (остававшийся в то время высшей апелляционной инстанцией Канады) рассмотрели еще два дела, касающиеся соотношения полномочий центра и провинций при исполнении международных конвенций.

Первое касалось исполнения положений Парижской конвенции о воздушной навигации, подписанной в 1919 г. В 1922 г. эта конвенция была ратифицирована парламентом Великобритании, а затем и парламентом Канады. Последним был принят также ряд федеральных законов, регулирующих сферу воздушных перевозок. В 1927 г. на федерально-провинциальной конференции был поставлен вопрос о том, насколько это укладывается в конституционные рамки. Судебный комитет Тайного совета признал действия канадского федерального правительства соответствующими конституции, исходя из вышеупомянутой ст. 132 АБСА, поскольку Парижскую конвенцию подписало Британское правительство. Лорд-канцлер виконт Сэнки, оглашавший решение, также привел аргумент, что регулирование воздушного пространства является настолько всеобщим, что подпадает под вводное положение ст. 91 АБСА, где говорится о полномочиях федерального парламента издавать законы, обеспечивающие стране «мир, порядок и надлежащее управление» [13, с. 120–121].

Второе дело касалось выполнения положений Международной конвенции о радиотелеграфной связи, принятой на Вашингтонской конференции Международного телеграфного союза 1927 г. Провинциальное правительство Квебека настаивало, что в соответствии со ст. 92 АБСА радиовещание относится к сфере юрисдикции провинций, однако Юридический комитет Тайного совета опять вынес решение в пользу федерального правительства. Он не мог сослаться на ст. 132, поскольку Канада участвовала в конференции и подписывала конвенцию самостоятельно; в данном случае он исходил из вышепротитированных положений ст. 91.

Наконец, в 1937 г. рассматривалось чрезвычайно важное дело, связанное с подписанными Канадой тремя конвенциями о труде МОТ (Конвенция о рабочем времени в промышленности, 1919 г., Конвенция о еженедельном отдыхе (в промышленности), 1921 г. и Конвенция о создании процедуры установления минимальной заработной платы, 1928 г.). В 1935 г. федеральный парламент ратифицировал эти конвенции и принял три закона, чтобы обеспечить их исполнение. Это было оспорено провинцией Онтарио (дело «Генеральный атторней Канады против Генерального атторнея Онтарио и других»). Это дело также дошло до Юридического комитета Тайного совета (голоса судей Верховного суда Канады разделились поровну), который на сей раз встал на сторону провинций. В январе 1937 г. он признал действия федерального правительства *ultra vires* (т. е. выходящими за рамки его полномочий). Член Юридического комитета лорд Эткин так прокомментировал решение:

Во-первых, обязательства, которые проистекают из конвенций, не являются обязательствами Канады как части Британской империи, но обязательствами Канады в силу ее нового статуса как международного субъекта и не проистекают из договора между Британской империей и зарубежными странами.

Во-вторых, никакой необходимости принимать законы по любым спорным предметам не возникало до тех пор, пока канадская исполнительная власть, обладая неограниченной свободой действий, по собственной инициативе не присоединилась к этим конвенциям, которые представляют собой *novus actus*, не определенные Версальским договором.

В-третьих, ст. 91 и 92 АБСА не предусматривают такого понятия, как законодательство, вытекающее из международного договора.

В-четвертых, вопрос заключается не в том, как формируются обязательства, это функция исполнительной власти, но в том, как эти обязательства будут выполняться, и это зависит от решения компетентного законодательного органа или органов [9, с. 91].

Как видим, в данном случае Юридический комитет указал на невозможность применения ст. 91 и 132 АБСА, а также указал на то, что факт заключения федеральным правительством международного договора не является достаточным основанием для вмешательства в провинциальную юрисдикцию. Как образно выразился тот же лорд Эткин, «в то время как корабль [канадского] государства теперь <...> входит в международные воды он по-прежнему сохраняет водонепроницаемые отсеки, которые являются существенной частью его изначального устройства» [16]. Эта фраза стала весьма популярной у канадских юристов, которые стали говорить о *Доктрине водонепроницаемых отсеков* (*watertight compartments doctrine*), характеризующей федеративное устройство Канады [15].

Данное решение Юридического комитета (его принято называть Делом о трудовых конвенциях 1937 г.) имело далеко идущие последствия. Оно означало, что федеральное правительство не может имплементировать международное соглашение, которое требует законодательных действий, выходящих за рамки, установленные ст. 91, до тех пор, пока не получит одобрения провинций [16].

Однако до начала 1960-х годов на практике таких проблем не возникало. С одной стороны, это было связано с тем, что до этого времени отношения Канады

с зарубежными странами (как и вся мировая политика) были сосредоточены преимущественно вокруг политических, военных и торговых сюжетов, так или иначе подпадающих под юрисдикцию федерального центра. С другой — с тем, что сами провинции, в том числе и Квебек, не проявляли интереса к самостоятельным действиям на международной арене. Ситуация изменилась, когда в Квебеке начался подъем национального движения франко-канадцев (долгое время находившихся в приниженном положении по сравнению с англо-канадцами), получивший название Тихая революция. Ее первая фаза была связана с пребыванием у власти в провинции либерального правительства Жана Лесажа (1960–1966), осуществившего серию масштабных реформ с целью всесторонней модернизации провинции.

Следует особо отметить, что уже в начальный период Тихой революции у франко-канадцев принципиально изменилось отношение к провинциальным политическим (а также экономическим и социальным) институтам. Если раньше Квебек рассматривался как одна из провинций Канады, хотя и особая (в ходу было выражение «провинция не как все»), то теперь он стал рассматриваться как «политическое выражение Французской Канады», как «федерированное государство», являющееся выразителем и защитником интересов всего франко-канадского сообщества. Выражать эти интересы оно должно было не только внутри страны, но и за ее пределами, поскольку квебекцам казалось (и не без основания), что внешняя политика федерального правительства тогда определялась исключительно англо-канадским большинством.

Действительно, в канадском МИДе вплоть до конца 1960-х годов явно доминировали англо-канадцы. Свою роль играло и то немаловажное обстоятельство, что в Канаде не было (и нет) органа власти, который мог бы стать каналом провинциального влияния на всю федеральную политику. В большинстве федераций таким органом является верхняя палата парламента, где представлены субъекты, независимо от размера их территории и численности населения (сенат в США, бундесрат в Германии, Совет Федерации в России и т. д.), однако в Канаде сенат создан по образцу британской палаты лордов.

Первые заметные самостоятельные шаги Квебека на международной арене были связаны с образованием и культурой — т. е. сферами, относящимися к провинциальной юрисдикции. Эти шаги были ориентированы на Францию, страну исторически «родственную» большинству квебекцев. Безусловно, весьма существенную роль сыграло то обстоятельство, что тогдашнее французское руководство (и лично президент де Голль) также демонстрировало большую заинтересованность в развитии прямых контактов с Квебеком [2].

Так, еще в 1961 г. премьером Жаном Лесажем было открыто провинциальное представительство в Париже — «Дом Квебека», позднее преобразованное в Генеральную делегацию. 27 февраля 1965 г. состоялось подписание двустороннего квебекско-французского «согласия» (entente) о сотрудничестве в сфере образования. Этот документ стал первым международным соглашением Квебека с иностранным государством. Канадское федеральное правительство не препятствовало его заключению (и в целом было в курсе событий). В то же время данное событие имело большое символическое значение. Оно породило оживленную дискуссию среди политиков и экспертов по федерализму и международным отношениям, поскольку представлялось весьма необычным как в дипломатическом, так и в конституционном плане.

В этой ситуации 12 апреля 1965 г. видный квебекский политический деятель Поль Жерен-Лажуа, занимавший в провинциальном правительстве посты вице-премьера и министра образования (именно он подписал вышеупомянутое «согласие» от имени Квебека), выступил с речью перед консульским корпусом Монреаля (в то время крупнейшим в Канаде). В ней обосновывалось право Квебека самостоятель-

но развивать внешние связи в рамках тех сфер компетенции, которые согласно канадской конституции относились к сфере провинциальной юрисдикции. Эта речь вошла в историю под названием «Доктрины Жерен-Лажуа» (хотя строго говоря, ее основным автором был Андре Патри, профессор международного права университета Лаваль, являвшийся в то время советником квебекского правительства по международным вопросам) и в дальнейшем легла в основу всей международной деятельности Квебека [17, с. 570].

Отталкиваясь от вышеупомянутых прецедентов, и прежде всего от Дела о трудовых конвенциях 1937 г., Патри и Жерен-Лажуа предложили следующее видение статуса Квебека и его международной деятельности. Прежде всего они отметили его «национальную» специфику:

Квебек не является суверенным во всех областях: он — член федерации. Но он образует, с политической точки зрения, государство. Он обладает всеми его элементами: территорией, населением, автономным правительством. Кроме того, он является политическим выражением народа, который во многом отношении отличен от англофонных сообществ, живущих в Северной Америке.

Комментируя квебекско-французское соглашение в области образования, авторы речи отметили, что, с одной стороны, оно «демонстрирует решимость Квебека занять в современном мире то место, которое ему подобает и обеспечить себе как за рубежом, так и внутри [страны] все необходимые средства, чтобы реализовать устремления общества, которое он представляет». С другой стороны, «это соглашение полностью соответствует установленному конституционному порядку».

...с точки зрения международного права канадское федеральное правительство находится в уникальной ситуации. Оно обладает неоспоримым правом вести переговоры с иностранными державами, однако реализация соглашений, которые оно может заключить по вопросам, относящимся к провинциальной юрисдикции, выходит за пределы его законодательной компетенции. Именно так почти тридцать лет тому назад решил Юридический комитет Тайного Совета, и это решение никогда не оспаривалось.

В тот момент, когда правительство Квебека стало осознавать свою ответственность за воплощение особой судьбы квебекского общества, оно никоим образом не собиралось уступать федеральному правительству право применять соглашения, содержание которых относится к провинциальной компетенции.

<...>

Почему государство, которое обеспечивает выполнение соглашения, неспособно само вести переговоры по данному соглашению и само подписать его? Разве соглашение заключается не с единственной целью быть реализованным и разве не тем, кто должен претворять его в жизнь, следует, прежде всего, обсуждать его условия?

Было время, когда осуществление исключительно Оттавой международной компетенции отнюдь не являлось невыгодным с точки зрения интересов федерализованных государств, поскольку область международных отношений тогда была достаточно ограниченной. Но в наши дни это уже не так. Межгосударственные отношения затрагивают все аспекты социальной жизни. Вот почему в такой федерации, как Канада, сейчас необходимо, чтобы входящие в нее сообщества — те, которые этого желают — активно и непосредственно участвовали бы в выработке международных соглашений, которые их непосредственно интересуют. Нет, я это повторяю, никакого смысла в том, чтобы право применять международный договор, было бы отделено от права заключать этот договор. Речь идет о двух важнейших этапах одной единственной операции...

Исходя из этого, по мнению Патри и Жерен-Лажуа, Квебек мог требовать себе ограниченное *jus tractatum* (право заключать международные договоры), а также право принимать участие в деятельности некоторых международных организаций неполитического характера. Последнее увязывалось с тем, что в современном

мире все больше областей, которые ранее считались исключительно локальными, приобретают международное значение [14, с. 285–292].

Спустя 10 дней, 22 апреля 1965 г., Жерен-Лажуа сделал еще одно заявление, на сей раз перед представителями франкоязычных университетов Франции, Бельгии и Швейцарии, в котором развил некоторые положения своей предыдущей речи. В частности, он подчеркнул, что Квебек собирается сам напрямую вести переговоры с другими странами по поводу соглашений, которые он будет исполнять. Данное обстоятельство обусловлено конституцией, внутривластными интересами провинции и, наконец, соображениями эффективности. Жерен-Лажуа также подчеркнул, что «эта новая активность Квебека вписывается в процесс его персонализации и в динамику нашего федеративного режима...» [7, с. 225].

Доктрина Жерен-Лажуа была сформулирована в тот момент, когда у власти в Квебеке находились либералы (PLQ). Однако в дальнейшем ее положения в том или ином виде взяли на вооружение все остальные ведущие политические партии провинции: Национальный союз (UN), Квебекская партия (PQ), Демократическое действие Квебека (ADQ) [14, с. 25], при том, что их взгляды на статус провинции в рамках канадской федерации были весьма различны.

Так, в начале 1970 г. Марсель Масс, министр межправительственных дел (в то время этот министр отвечал, в том числе и за внешние связи провинции) в правительстве Ж.-Ж. Бертрана, сформированном право-популистской националистической партией Национальный союз, заявил: «Наша позиция такова — федерированные государства Канады [т. е. провинции] обладают правом и полномочиями заниматься иностранными делами в тех сферах, которые закреплены за ними конституцией» [6, р. 84].

Спустя почти четверть века, в 2004 г. сходное заявление сделал премьер-министр-либерал Жан Шаре: «...поскольку правительство Квебека — это единственное правительство, обладающее компетенцией для выполнения международных обязательств, естественно то, что оно будет тем [правительством], которое примет эти обязательства. В целом Квебеку следует взять на себя в международном плане пролонгацию своих внутренних “компетенций”. <...> Другими словами, то, что относится к квебекской компетенции у нас, относится к квебекской компетенции везде» [12]. Последняя фраза получила широкое распространение и была вынесена в качестве эпиграфа к последней провинциальной «белой книге» по международным отношениям, выпущенной в 2006 г. [11, с. 5]. В действующем «Стратегическом плане» международной деятельности Квебека на 2014–2018 гг. также подчеркивается: «Наша дипломатия состоит в осуществлении нашей политики и нашей стратегии, которые являются пролонгацией компетенций Квебека за границей» [18, с. 4].

Опираясь на положения доктрины Жерен-Лажуа, квебекская парадипломатия совершила колоссальный рывок в своем развитии. За прошедшие с тех пор чуть более полувека провинция заключила более 700 соглашений с 80 суверенными государствами и субнациональными акторами. В настоящее время Квебек имеет 28 собственных зарубежных представительств (генеральных делегаций, делегаций, бюро и др.). По этому показателю его вполне можно сопоставить с небольшим европейским государством. В 1971 г. Квебек получил статус «участвующего правительства» в Агентстве культурного и технического сотрудничества (АССТ) — первой институциональной структуре Франкофонии. После долгих дискуссий в конце 1985 г. между федеральным центром и провинцией было достигнуто соглашение об участии последней во франкофонных саммитах, в результате чего квебекские премьеры получили «место за столом» наравне с главами суверенных государств. В 2002 г. Национальная ассамблея Квебека приняла закон, согласно которому все международные договоры Канады, затрагивающие сферу провинциальной юрис-

дикции, должны получить ее одобрение. В 2006 г. провинциальные представители были включены в состав канадской делегации в ЮНЕСКО.

В заключение необходимо подчеркнуть, что успешная международная деятельность Квебека была бы абсолютно невозможна без определенной поддержки или хотя бы молчаливого согласия федерального правительства. Даже в периоды обострения федерально-провинциальных отношений Оттава не препятствовала контактам Квебека с его зарубежными партнерами, не посягая на его конституционные права [1]. В то же время в конце 1990-х и особенно в 2000-е годы «центр» и франкоязычная провинция смогли достичь компромисса и наладить в целом достаточно конструктивное взаимодействие в области внешних связей, что объективно пошло на пользу и Квебеку, и Канаде в целом.

Литература

1. Акимов Ю. Г. Квебекская парадипломатия и позиция федерального правительства Канады: от конфликта к компромиссу // Вестник СПб. ун-та. 2011. Сер. 6. Вып. 4. С. 48–56.
2. Акимов Ю. Г. Шарль де Голль и становление «особых отношений» Франции и Квебека // Вестник СПб. ун-та. 2014. Сер. 6. Вып. 2. С. 146–152.
3. Данилов С. Ю. Эволюция канадского федерализма. М. : ВШЭ, 2012.
4. Конституции зарубежных государств. 2-е изд., испр. и доп. / сост. В. В. Маклаков. М. : Изд-во БЕК, 1997.
5. Шило В. Е. Канадский федерализм и международные отношения. М. : Наука, 1985.
6. Bonenfant J.-Ch. Les relations extérieures du Québec // Etudes internationales. 1970. Vol. 1. N°2. P. 84–90.
7. Canadian Foreign Policy, 1945–2000: Major Documents and Speeches / ed. by A. E. Blanchette. Ottawa, 2000.
8. Canadian Politics. 4th Edition / ed. by James Bickerton and Alain-G. Gagnon. Peterborough; New York; Plymouth; Sydney : Broadview Press, 2004.
9. Cyr H. Canadian Federalism and Treaty Powers: Organic Constitutionalism at Work. Peter Lang, 2009.
10. Ententes et engagements [Соглашения и договоренности]. Официальный сайт Министерства международных отношений Квебека [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.mrif.gouv.qc.ca/fr/ententes-et-engagements/presentation> (дата обращения: 08.08.2016).
11. La politique internationale du Québec. La force de l'action concertée. Gouvernement du Québec, 2006.
12. Le Devoir. 9 mars 2005.
13. Lecours A. Canada // Foreign Relations in Federal Countries / ed. by H. Michelmann. Montreal; Kingston; London; Ithaca : McGill–Queen's University Press, 2009.
14. Les relations internationales du Québec depuis la Doctrine Gérin-Lajoie (1965–2005): Le prolongement externe des compétences internes / Sous la direction de St. Paquin. Québec : Les Presses de l'Université Laval, 2006.
15. Law, Politics and the Judicial Process in Canada / ed. by F. L. Morton. Calgary : University of Calgary Press, 2002.
16. Malher G. S. New Dimensions of Canadian Federalism: Canada in a Comparative Perspective. Rutherford (NJ) : Fairleigh Dickinson University Press, 1987.
17. Nossal K. R., Roussel St., Paquin St. Politique internationale et défense au Canada et au Québec. Montréal : Les Presses de l'Université de Montréal, 2007.
18. Plan stratégique, 2014–2018. Ministère des Relations internationales et de la Francophonie. Gouvernement du Québec, 2014.

References

1. Akimov Yu. G. *Kvebekskaya paradiplomatiya i pozitsiya federal'nogo pravi-tel'stva Kanady: ot konfliktka k kompromissu* [Quebec paradiplomacy and the position of Federal Government: from conflict to compromise] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2011, Is. 6. N 4. P. 48–56. (rus)

2. Akimov Yu. G. *Sharl' de Gol' i stanovlenie osobykh otnoshenii Frantsii i Kvebeka* [Charles de Gaulle and the beginning of Special Relations between France and Quebec] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2014. Is. 6. N 2. P. 146–152. (rus).
3. Danilov S.Yu. *Evoliutsiya Kanadskogo federalizma* [The Evolution of Canadian Federalism]. Moscow: High School of Economy, 2012. (rus)
4. Konstitucii zarubezhnykh gosudarstv. 2-e izd., ispravlennoe i dopolnennoe [Constitutions of Foreign Countries. Revised edition] / sostavitel' V.V. Maklakov [ed. By V.V. Maklakov]. M. : BEK, 1997. (rus)
5. Shilo V.E. *Kanadskii federalizm i mezhdunarodnye otnosheniya* [Canadian Federalism and International Relations]. M. : Nauka, 1985. (rus)
6. Bonenfant J.-Ch. *Les relations extérieures du Québec* // Etudes internationales. 1970. Vol. 1. N°2. P. 84–90.
7. *Canadian Foreign Policy, 1945–2000: Major Documents and Speeches* / ed. by A. E. Blanchette. Ottawa, 2000.
8. *Canadian Politics*. 4th Edition / ed. by James Bickerton and Alain-G. Gagnon. Peterborough; New York; Plymouth; Sydney : Broadview Press, 2004.
9. Cyr H. *Canadian Federalism and Treaty Powers: Organic Constitutionalism at Work*. Peter Lang, 2009.
10. *Ententes et engagements* [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.mrif.gouv.qc.ca/fr/ententes-et-engagements/presentation> (дата обращения: 08.08.2016).
11. *La politique internationale du Québec. La force de l'action concertée*. Gouvernement du Québec, 2006.
12. *Le Devoir*. 9 mars 2005.
13. Lecours A. *Canada* // Foreign Relations in Federal Countries / ed. by H. Michelmann. Montreal; Kingston; London; Ithaca : McGill–Queen's University Press, 2009.
14. *Les relations internationales du Québec depuis la Doctrine Gérin-Lajoie (1965–2005): Le prolongement externe des compétences internes* / Sous la direction de St. Paquin. Québec : Les Presses de l'Université Laval, 2006.
15. *Law, Politics and the Judicial Process in Canada* / ed. by F. L. Morton. Calgary : University of Calgary Press, 2002.
16. Malher G. S. *New Dimensions of Canadian Federalism: Canada in a Comparative Perspective*. Rutherford (NJ) : Fairleigh Dickinson University Press, 1987.
17. Nossal K. R., Roussel St., Paquin St. *Politique internationale et défense au Canada et au Québec*. Montréal : Les Presses de l'Université de Montréal, 2007.
18. *Plan stratégique, 2014–2018. Ministère des Relations internationales et de la Francophonie*. Gouvernement du Québec, 2014.